

*Калина
Красная*
*Я пришел дать вам волю.
Любавины*

*Василий
Шукшин*

Василий Шукшин

Василий Шукшин — известный советский писатель, талантливый кинорежиссер, сценарист, блестящий актер. Многие его романы и повести были экранизированы. Художественный фильм «Калина красная», снятый в 1973—1974 годах по одноименной повести, — последняя работа режиссера, ставшая одной из самых знаменитых и самых любимых для многих ценителей творчества Шукшина. Фильм был награжден главным призом Всесоюзного кинофестиваля в Баку, а также стал победителем фестиваля кино в Берлине. Произведения Василия Шукшина — о простых трудолюбивых людях, о жизни и ее сложностях, о судьбе и счастливом случае. Его герои — мечтатели-мудрецы, мужественные бунтари, искренние жизнелюбы.

*Калина
Красная*

*Я пришел
дать вам волю.
Любавины*

*Калина
Красная*
*Я пришел дать вам волю.
Любавины*

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-3407-9

9 786171 1234079

Василий Шукшин

*Далина
Красная*

*Я пришел дать вам волю.
Любавины*

УДК 821.161.2
ББК 84(4Рос)
Ш95

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Печатается по изданию:

Шукшин В. М. Собрание сочинений в пяти томах. —
Бишкек : Венда, 1992. — Переиздание. — Екатеринбург :
ИПП «Уральский рабочий».

Иллюстрация на обложке *Анастасии Кустовой*
Шрифт на обложке *Алины Ачкасовой*

ISBN 978-617-12-3407-9

- © В. М. Шукшин. Наследники, 2017
- © Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совестливость, доброту... Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами...

Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши невероятной тяжести победы, наше страдание — не отдавай всего этого за понюх табаку.

Мы умели жить. Помни это. Будь человеком.

В. Шукшин
21 августа 1974 года

Калина красная

История эта началась в исправительно-трудовом лагере, севернее города «Н», в местах прекрасных и строгих.

...Был вечер после трудового дня.

Люди собрались в клубе...

На сцену вышел широкоплечий мужчина с обветренным лицом и объявил:

— А сейчас хор бывших рецидивистов споет нам задумчивую песню «Вечерний звон»!

На сцену из-за кулисы стали выходить участники хора — один за одним. Они стали так, что образовали две группы — большую и малую. Хористы все были далеко не «певучего» облика.

— В группе «Бом-бом», — возвестил дальше широкоплечий и показал на большую группу, — участвуют те, у кого завтра оканчивается срок заключения. Это наша традиция, и мы ее храним.

Хор запел. То есть завели в малой группе, а в большой нагнули головы и в нужный момент «ударили» с чувством:

— Бом-м, бом-м...

В группе «Бом-бом» мы видим и нашего героя — Егора Прокудина, сорокалетнего, стриженного. Он старался всерьез и, когда «звонили», морщил лоб и качал круглой крестьянской головой — чтобы похоже было, что звук «колокола» плывет в вечернем воздухе.

Так закончился последний срок Егора Прокудина. Впереди — воля.

Утром в кабинете у одного из начальников произошел следующий разговор:

— Ну, расскажи, как думаешь жить, Прокудин? — спросил начальник. Он, видно, много-много раз спрашивал это — больно уж слова его вышли какие-то готовые.

— Честно! — поторопился с ответом Егор, тоже, надо полагать, готовым, потому что ответ выскочил поразительно легко.

— Да это-то я понимаю... А как? Как ты это себе представляешь?

— Думаю заняться сельским хозяйством, гражданин начальник.

— Товарищ.

— А? — не понял Егор.

— Теперь для тебя все — товарищи, — напомнил начальник.

— А-а! — с удовольствием вспомнил Прокудин. И даже посмеялся своей забывчивости. — Да-да... Много будет товарищей!

— А что это тебя в сельское хозяйство-то потянуло? — искренне поинтересовался начальник.

— Так я же ведь крестьянин! Родом-то. Вообще, люблю, знаете, природу. Куплю корову...

— Корову? — удивился начальник.

— Корову. Вот с таким выем. — Егор показал руками.

— Корову надо не по выю выбирать. Если она еще молодая, какое же у нее — вот такое! — вымя? А то выберешь старую, у нее действительно вот такое вымя... Толку-то что? Корова должна быть... стройная.

— Так это что же тогда — по ногам? — сугоничал Егор с вопросом.

— Что?

— Выбирать-то. По ногам, что ли?

— Да почему «по ногам»? По породе. Существуют породы — такая-то порода... Например, холмогорская. — Больше начальник не знал.

— Обожаю коров, — еще раз с силой сказал Егор. — Приведу ее в стойло... поставлю...

Начальник и Егор помолчали, глядя друг на друга.

— Корова — это хорошо, — согласился начальник. — Только... что ж ты, одной коровой и будешь заниматься? У тебя профессия-то есть какая-нибудь?

— У меня много профессий...

— Например?

Егор подумал, как если бы выбирал из множества своих профессий наименее... как бы это сказать — меньше всего пригодную для воровских целей.

— Слесарь...

Зазвонил телефон. Начальник взял трубку.

— Да. Да... А какой урок-то был? Тема-то какая? «Евгений Онегин»? Так, а насчет кого они вопросы-то стали задавать? Татьяны? А что им там непонятно в Татьяне? Что, говорю, им там... — Начальник некоторое время слушал тонкий крикливый голос в трубке, укоризненно смотрел при этом на Егора и чуть кивал головой — что все ясно. — Пусть... Слушай сюда: пусть они там демагогией не занимаются! Что значит — будут дети, не будут дети?!.. Про это, что ли, поэма написана! А то я им приду объясню! Ты им... Ладно, счас Николаев придет к вам. — Начальник положил трубку и взял другую. Пока набирал номер, недовольно сказал: — Доценты мне... Николаев? Там у учительницы литературы урок сорвали: начали вопросы задавать. А? «Евгений Онегин». Да не насчет Онегина, а насчет Татьяны: будут у нее дети от старика или не будут? Иди разберись. Давай. Во, доценты, понимаешь! — сказал еще начальник, кладя трубку. — Вопросы начали задавать.

Егор посмеялся, представив этот урок литературы.

— Хотят знать...

— У тебя жена-то есть? — спросил начальник строго.

Егор вынул из нагрудного кармана фотографию и подал начальнику. Тот взял фотографию, посмотрел...

— Это твоя жена? — спросил он, не скрывая удивления.

На фотографии была довольно красивая молодая женщина, добрая и ясная.

— Будущая, — сказал Егор. Ему не понравилось, что начальник удивился. — Ждет меня. Но живую я ее ни разу не видел.

— Как это?

— Заочница. — Егор потянулся, взял фотографию. — Позвольте. — И сам засмотрелся на милое русское простое лицо. — Байкалова Любовь Федоровна. Какая доверчивость на лице, а! Это удивительно. Да? На работницу сберкассы похожа.

— И что она пишет?

— Пишет, что беду мою всю понимает... Но, говорит, не понимаю: как ты додумался в тюрьму угодить? Хорошие письма. Покой какой-то от них... Муж был пьянчуга — выгнала. А на людей все равно не обозлилась.

— А ты понимаешь, на что ты идешь? — негромко и серьезно спросил начальник.

— Понимаю, — тоже негромко сказал Егор. И спрятал фотографию.

— Во-первых, оденься как следует. Куда ты такой... Ванька с Пресни заявисься. — Начальник недовольно оглядел Егора. — Что это за... Почему так одет-то?

Егор был в сапогах, в рубахе-косоворотке... Фуфайка и какой-то форменный картуз должны были вовсе снять всякое подозрение с Егора — не то это сельский шофер, не то слесарь-сантехник, с легким намеком на участие в художественной самодеятельности.

Егор мельком оглядел себя, усмехнулся.

— Так надо было по роли. А потом уже некогда было переодеваться. Не успел.

— Артисты... — только и сказал начальник. И засмеялся. Он был не злой человек, и его так и не перестали изумлять люди, изобретательность которых не знает пределов.

И вот она — воля!

Это значит — захлопнулась за Егором дверь, и он очутился на улице небольшого поселка. Он вздохнул всей грудью весеннего воздуха, зажмурился и покрутил головой... Прошел немало и прислонился к забору. Мимо шла какая-то старушка с сумочкой, остановилась...

— Вам плохо?

— Мне хорошо, мать, — сказал Егор. — Хорошо, что я весной сел. Надо всегда весной садиться.

— Куда садиться? — не поняла старушка.

— В тюрьму.

Старушка только теперь сообразила, с кем говорит. Опасливо отстранилась и посеменила дальше. Глянула еще на забор, мимо которого шла... Опять оглянулась на Егора.

А Егор поднял руку навстречу «Волге». «Волга» остановилась. Егор стал договариваться с шофером куда-то ехать.

Шофер сперва не соглашался, Егор достал из кармана пачку денег, показал... и пошел садиться.

Он сел рядом с шофером.

В это время к ним подошла та старушка, которая проявила участие к Егору. Не поленилась перейти улицу.

— Я прошу извинить меня, — заговорила она, склоняясь к Егору. — А почему именно весной?

— Садиться-то? Так весной сядешь — весной и выйдешь. Воля и весна! Чего еще человеку надо? — Егор засмеялся старушке и продекламировал: — «Май мой синий! Июнь голубой!»

— Вон как!.. — Старушка изумилась. Выпрямилась и глядела на Егора, как глядят в городе на коня — туда же, по улице идет, где машины. У старушки было свежее печеное личико и ясные глаза. Она, сама того не ведая, доставила Егору приятнейшую минуту, дорогую минуту.

«Волга» поехала.

Старушка еще некоторое время смотрела вслед ей. И сказала:

— Скажите... Поэт нашелся. Фет.

А Егор весь отдался движению...

Кончился поселок, выехали на простор.

— Нет ли у тебя какой музыки? — спросил Егор.

Шофер, молодой парень, достал одной рукой из-за себя транзисторный магнитофон.

— Включи. Крайняя клавиша...

Егор включил какую-то славную музыку... Откинулся головой на сиденье, закрыл глаза. Долго он ждал такого часа. Заждался...

— Рад? — спросил шофер.

— Рад? — очнулся Егор. — Рад... — Он точно на вкус попробовал это словцо. — Видишь ли, малыш, если бы я жил три жизни, я бы одну просидел в тюрьме, другую — отдал тебе, а третью прожил бы сам — как хочу. Но так как она у меня всего одна, то сейчас я, конечно, рад. А ты радоваться умеешь? — Егор, от полноты чувства, мог иногда взбежать выше — где обитают слова красивые и пустые. — Умеешь, нет?

Шофер пожал плечами. Ничего не сказал.

— Э-э, тухлое твое дело, сынок, — не умеешь: кислую фигуру изобразил.

— А чего радоваться-то?

Егор вдруг стал серьезным. Задумался. У него это тоже было — вдруг ни с того ни с сего задумается.

— А? — спросил Егор машинально.

— Чего, мол, шибко радоваться-то? — Шофер был парень трезвый и занудливый.

— Ну, это я, брат, не знаю — чего радоваться, — заговорил Егор, с неохотой возвращаясь из своего далекого далека — из своих каких-то мыслей. — Умеешь — радуйся, не умеешь — сиди так. Тут не спрашивают. Стихи, например, любишь?

Тусклый парень опять неопределенно пожал плечами.

— Вот видишь, — с сожалением сказал Егор, — а ты радоваться собрался.

— Я и не собирался радоваться.

— Стихи надо любить, — решительно закруглил Егор этот вялый разговор. — Слушай, какие стихи бывают. — И Егор прочитал — с пропуском, правда, потому что подзабыл, — стихи:

...В снежную выбель
Замешалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя черная гибель,
Я навстречу тебе выхожу.

Город, город! Ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске... какой-то...

Тут подзабыл малость...

...Телеграфными столбами давясь...

Тут опять забыл, дальше:

...Ну, так что ж? Ведь нам не впервые
И расшатываться и пропадать.
Пусть для сердца тягуче колко,
...Это песня звериных прав!..
...Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуногого недруга
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты недаром даешься ножу.
Как и ты — я, отовсюду гонимый,
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты — я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зареюсь в снегу...
Все же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.

Егор, сам оглушенный силой слов, некоторое время сидел, стиснув зубы, глядел вперед... И была в его сосредоточенном далеком взгляде решимость, точно и сам он давно бросил прямой вызов тем каким-то — «на том берегу» — и не страшился. И сам Егор в эту отрешенную минуту являл собой силу нешуточную, дерзкую. Жизнь, как видно, нелегкая, не сломала его, а только отковала фигуру крепкую, угловатую.

— Как стихи? — спросил Егор.

— Хорошие стихи.

— Хорошие. Как стакан спирту дернул, — сказал Егор. — А ты говоришь: не люблю стихи. Молодой еще, надо всем интересоваться. Останови-ка... я своих подружек встретил.

Шофер не понял, каких он подружек встретил, но остановился. Егор вышел из машины... А был вокруг сплошной березовый лес. И такой это был чистый белый мир на черной еще земле, такое свечение!.. Егор прислонился к одной березке, огляделся кругом.

— Вот же, курва, что делается! — сказал он с тихим восторгом. Повернулся к березке, погладил ее ладонью. — Здорово! Ишь ты какая... Невеста какая. Жениха ждешь? Скоро уж, скоро. — Егор быстро вернулся к машине. Все теперь понятно. Нужен выход какой-нибудь. И скорее. Немедленно.

— Жми, Леша, на весь костыль. А то у меня сердце сейчас из груди выпрыгнет: надо что-то сделать. Ты спиртного с собой не возишь?

— Откуда!

— Ну, тогда рули. Сколько стоит твой музыкальный ящикек?

— Двести.

— Беру за триста. Он мне понравился.

В областном городе, на окраине, Егор остановил машину, не доезжая того дома, где должны были находиться свои люди.

Щедро расплатился с шофером, взял свой музыкальный ящикек и дворами — сложно — пошел «на хату».

«Малина» была в сборе.

Сидела приятная молодая женщина с гитарой... Сидел около телефона некий здоровый лоб, похожий на бульдога, упорно смотрел на телефон... Сидели еще четыре девицы с голыми почти ногами... Ходил по комнате рослый молодой парень, временами поглядывал на телефон... Сидел в кресле Губошлеп с темными зубами, потягивал из фужера шампанское... Еще человек пять-шесть молодых парней сидели кто где — курили или просто так.

Комната была драная, гадкая. Синенькие какие-то обои, захватанные и тоже драные, совсем уж некстати напоминали цветом своим весеннее небо, и от этого вовсе нехорошо было в этом вонючем сокровенном мирке, тяжело. Про такие обиталища говорят, обижая зверей, — логово.

Все сидели в странном каком-то оцепенении. Время от времени поглядывали на телефон. Напряжение было во всем. Только скуластенькая молодая женщина чуть перебирала струны и негромко, странно-красиво пела (хрипловато, но очень душевно):

Калина красная,
Калина вызрела,
Я у залеточки
Характер вызнала.

Характер вызнала,
Характер, ой какой,
Я не уважила,
А он пошел к другой.

А я...

Во входную дверь негромко постучали условным стуком. Все сидящие дернулись, как от вскрика.

— Цыть! — сказал Губошлеп. И весело посмотрел на всех. — Нервы, — еще сказал Губошлеп. И взглядом послал одного открыть дверь.

Пошел рослый парень.

— Чепочка, — сказал Губошлеп. И сунул руку в карман. И ждал.

Рослый парень, не скидывая дверной цепочки, приоткрыл дверь... И поспешно скинул цепочку. И оглянулся на всех... Дверь закрылась...

И вдруг там грянул марш. Егор пинком открыл дверь и вошел под марш. На него зашикали и повскакали с мест.

Егор убрал марш, удивленно огляделся.

К нему подходили, здоровались... Но старались не шуметь.

— Привет, Горе. (Такова была кличка Егора — Горе.)

— Здорово.

— Отпыхтел?

Егор подавал руку, но все не мог понять, что здесь такое. Много было знакомых, а были не просто знакомые — была тут Люсьен (скуластенькая), был, наконец, Губошлеп — их Егор рад был видеть. Но что они?

— А чего вы такие все?

— Ларек берут наши, — пояснил один, здороваясь. — Должны звонить... Ждем.

Очень обрадовалась Егору скуластенькая женщина с гитарой. Она повисла у него на шее. И всего исцеловала. И глаза ее, чуть влажные, прямо сияли от радости неподдельной.

— Горе ты мое!.. Я тебя сегодня во сне видела...

— Ну, ну, — говорил счастливый Егор. — И что я во сне делал?

— Обнимал меня. Крепко-крепко.

— А ты ни с кем меня не спутала?

— Горе!..

— А ну, повернись-ка, сынку! — сказал Губошлеп в кресле. — Экий ты какой стал!

Егор подошел к Губошлепу, они сдержанно обнялись. Губошлеп так и не встал. Весело смотрел на Егора.

— Я вспоминаю один весенний вечер... — заговорил Губошлеп. И все стихли. — В воздухе было немножко сыро, на вокзале — сотни людей. От чемоданов рябит в глазах. Все люди взволнованы — все хотят уехать. И среди этих взволнованных, нервных сидел один... Сидел он на своем деревенском сундуке и думал горькую думу. К нему подошел некий изящный молодой человек и спросил: «Что пригорюнился, добрый молодец?» — «Да вот... горе у меня! Один на земле остался, не знаю, куда деваться». Тогда молодой человек...

В это время зазвонил телефон. Всех опять как током дернуло.

— Да? — вроде как безразлично спросил парень, похожий на бульдога. И долго слушал. И кивал. — Все сидим здесь. Я не отхожу от телефона. Все здесь, Горе пришел... Да. Только что. Ждем. Ждем. — Похожий на бульдога положил трубку и повернулся ко всем.

— Начали.

Все пришли в нервное движение.

— Шампанзе! — велел Губошлеп.

Бутылки с шампанским пошли по рукам.

— Что за ларек? — спросил Егор Губошлепа.

— Кусков на восемь, — сказал тот. — Твое здоровье!

Выпили.

— Люсьен... Что-нибудь — снять напряжение, — попросил Губошлеп. Он был худой, спокойный и чрезвычайно наглый, глаза очень наглые.

— Я буду петь про любовь, — сказала приятная Люсьен. И потрянула крашеной головой, и смаху положила ладонь на струны. И все стихли.

Тары-бары-растабары,

Чары-чары...

Очи-ночь.

Кто не весел,

Кто в печали,

Уходите прочь.

Во лугах, под кровом ночи,

Счастье даром раздают

Очи, очи...

Сердце хочет:
Поманите — я пойду!

Тары-бары-растабары...
Всхлип гармонии...
Тихий бред.

Разбазарил — тары-бары,
Чары были,
Счастья — нет.

Разбазарил — тары-бары...

Люсьен почти допела песню, как зазвонил телефон. Вмиг повисла гробовая тишина.

— Да? — изо всех сил спокойно сказал Бульдог в трубку. — Нет, вы ошиблись номером. Ничего, пожалуйста. Бывает-бывает. — Бульдог положил трубку. — В прачечную звонит, сука.

Все опять пришли в движение.

— Шампанзе! — опять велел Губошлеп. — Горе, от кого поклоны принес?

— Потом, — сказал Егор. — Дай я сперва нагляжусь на вас. Вот, вишь, тут молодые люди незнакомые... Ну-ка, я познакомлюсь.

Молодые люди по второму разу с почтением подавали руки. Егор внимательно, с усмешкой заглядывал им в глаза. И кивал головой и говорил: «Так, так...»

— Хочу плясать! — заявила Люсьен. И трахнула фужер об пол.

— Ша, Люсьен, — сказал Губошлеп. — Не заводись.

— Иди ты к дьяволу, — сказала подпившая Люсьен. — Горе, наш коронный номер!

И Егор тоже с силой звякнул свой фужер.

И у него тоже заблестели глаза.

— Ну-ка, молодые люди, дайте круг. Брысь!

— Ша, Горе! — повысил голос Губошлеп. — Выбрали время!

— Да мы же услышим звонок! — заговорили со всех сторон Губошлепу. — Пусть сбцают.

— Чего ты?

— Пусть выйдут!

— Бульдя же сидит на телефоне.

Губошлеп вынул платочек и, хоть запоздало, но важно, как Пугачев, махнул им. Две гитары дернули «барыню».

Пошла Люсьен... Ах, как она плясала! Она умела. Не размашисто, нет, а четко, легко, с большим тактом. Вроде вколачивала каблучками в гроб свою калеку-жизнь, а сама, как птица, била крыльями — чтоб отлететь. Много она вкладывала в пляску. Она даже опрятной вдруг сделалась, сделалась родной и умной...

Егор, когда Люсьен подступала к нему, начинал тоже и работал только ногами. Руки заложены за спину, ничего вроде особенного, не прыгал козлом — а больно тоже и хорошо. Хорошо у них выходило. Таилось что-то за этой пляской — неизжитое, незабытое.

— Вот какой минуты ждала моя многострадальная душа! — сказал Егор вполне серьезно. Вот, видно, тот выход, какой хотел. Такой ждалась и понималась желанная воля.

— Подожди, Егорушка, я не так успокою твою душу, — откликнулась Люсьен. — Ах, как я ее успокою! И сама успокоюсь.

— Успокой, Люсьен. А то она плачет.

— Успокою. Я прижму ее к сердцу, голубку, скажу ей: «Устала? Милая, милая... добрая... Устала».

— Смотри, не клюнула бы эта голубка, — встрял в этот деланный разговор Губошлеп. — А то клюнет.

— Нет, она не злая! — строго сказал Егор, не глядя на Губошлепа. И жесткость легла тенью на его доброе лицо. Но плясать они не перестали, они плясали. На них хотелось без конца смотреть, и молодые люди смотрели, с какой-то тревогой смотрели, жадно, как будто тут заколачивалась некая отвратительная часть и их жизни тоже — можно потом выйти на белый свет, а там — весна.

— Она устала в клетке, — сказала Люсьен нежно.

— Она плачет, — сказал Егор. — Нужен праздник.

— По темечку ее... Прутиком, — сказал Губошлеп. — Она успокоится.

— Какие люди, Егорушка! А? — воскликнула Люсьен. — Какие злые!

— Ну, на злых, Люсьен, мы сами — волки. Но душа-то, душа-то... Плачет.

— Успокоим, Егорушка, успокоим. Я же волшебница, я все чары свои пушу в ход...

— Из голубей похлебка хорошая, — сказал ехидный Губошлеп. Весь он, худой, как нож, собранный, страшный своей молодой ненужностью, весь ушел в свои глаза. Глаза горели злобой!

— Нет, она плачет! — остервенело сказал Егор. — Плачет! Тесно ей там — плачет! — Он рванул рубаху... И стал против Губошлепа. Гитары смолкли. И смолк перепляс волшебницы Люсьен.

Губошлеп держал уже руку в кармане.

— Опять ты за старое, Горе? — спросил он, удовлетворенный.

— Я тебе, наверно, последний раз говорю, — спокойно тоже и устало сказал Егор, застегивая рубаху. — Не тронь меня за болячку... Когда-нибудь ты не успеешь сунуть руку в карман. Я тебе сказал.

— Я слышал.

— Эх-х!.. — огорчилась Люсьен. — Проза... Опять покойники, кровь... Бр-р... Налей-ка мне шампанского, дружок. Зазвонил телефон. Про него как-то забыли все.

Бульдог кинулся к аппарату, схватил трубку... Поднес к уху, и она обожгла его. Он бросил ее на рычажки.

Первым вскочил с места Губошлеп. Он был стремительный человек, но все же он был спокоен.

— Сгорели, — коротко и ужасно сказал Бульдог.

— По одному — кто куда, — скомандовал Губошлеп. — Веро-ром. На две недели все умерли! Время!

Стали исчезать по одному. Исчезать они, как видно, умели. Никто ничего не спрашивал.

— Ни одной пары! — еще сказал Губошлеп. — Сбор у Ивана. Не раньше десяти дней.

Егор сел к столу, налил фужер шампанского, выпил.

— Ты что, Горе? — спросил Губошлеп.

— Я?.. — Егор помедлил в задумчивости. — Я, кажется, действительно займусь сельским хозяйством.

Люсьен и Губошлеп остановились над ним в недоумении.

— Каким «сельским хозяйством»?

— Уходить надо, чего ты сел?! — встряхнула его Люсьен.

Егор очнулся. Встал.

— Уходить? Опять уходить... Когда же я буду приходить, граждане? А где мой славный ящичек?... А, вот он. Обязательно надо уходить? Может...

— Что ты! Через десять минут здесь будут. Наверно, выследили.

Люсьен пошла к выходу.

Егор двинулся было за ней, но Губошлеп мягко остановил его за плечо. И мягко сказал:

— Не надо. Поговорим. Мы скоро все увидимся...

— А ты с ней пойдешь? — прямо спросил Егор.

— Нет, — твердо и, похоже, честно сказал Губошлеп. — Иди! — резко крикнул он на Люсьен, которая задержалась в дверях.

Люсьен недобро глянула на Губошлепа и вышла.

— Отдохни где-нибудь, — сказал Губошлеп, наливая в два фужера. — Отдохни, дружок, — хоть к Кольке Королю, хоть к Ваньке Самыкину, у него уголок хороший. А меня прости за... сегодняшнее. Но... Горе ты мое, Горе, ты же мне тоже на болячку жмешь, только не замечаешь. Давай. Со встречей. И до свиданья пока. Не горюй. Проши есть?

— Есть. Мне там собрали...

— А то могу подкинуть.

— Давай, — передумал Егор.

Губошлеп вытащил из кармана и дал сколько-то Егору. Пачку.

— Где будешь?

— Не знаю. Найду кого-нибудь. Как же вы так — завалились-то?..

В это время в комнату вскользнул один из молодых. Белый от испуга.

— Квартал окружили, — сказал он.

— А ты что?

— Я не знаю куда... Я вам сказать.

— Сам прет на рога Толстому, — засмеялся Губошлеп. — Чего ж ты опять сюда-то? Ах, милый ты мой, теленочек мой... За мной, братики!

Они вышли каким-то черным ходом и направились было вдоль стены в сторону улицы, но оттуда, с той стороны, послышались крепкие шаги патруля. Они — в другую сторону, но и оттуда раздались тоже шаги...

— Так, — сказал Губошлеп, не утрачивая своей загадочной веселости. — Что-то паленым пахнет. А, Егор? Чуешь?

— Ну-ка, сюда! — Егор втолкнул своих спутников в какую-то нишу.

Шаги с обеих сторон приближались...

И в одном месте, справа, по стене прыгнул лучик сильного карманного фонаря.

Губошлеп вынул из кармана наган...

— Брось, дура! — резко и зло сказал Егор. — Психопат. Может, те не расколются... А ты тут стрельбу откроешь.

— Та знаю я их! — нервно воскликнул Губошлеп. Вот сейчас, вот тут он, пожалуй, утратил свое спокойствие.

— Вот: я сейчас рвану — уведу их. У меня справка об освобождении, — заговорил Егор быстро, негромко, и уже выискивал глазами — в какую сторону рвануть. — Справка помечена сегодняшним числом... Я прикрытый. Догонят — скажу испугался. Скажу: бабенку искал, услышал свистки — испугался сдуру... Все. Не поминайте лихом!

И Егор ринулся от них... И побежал направо. Тотчас со всех сторон раздались свистки и топот ног.

Егор бежал с каким-то азартом, молодо... Бежал да еще и приговаривал себе, подпевал первые попавшие слова. Увидел просвет, кинулся туда, полез через какие-то трубы и победно спел:

— Оп, тирдарпупия! Ничего я не видал, ох, никого не знаю!..

Он уже перебрался через эти трубы... Сзади в темноте совсем близко бежали. Егор юркнул в широкую трубу и замер.

Над ним загрохотали железные шаги...

Егор сидел, скрючившись, и довольно улыбался. И шептал:

— Да ничего я не видал, да никого не знаю.

Он затеял какую-то опасную игру. Когда гул железный прекратился и можно было пересидеть тут и вовсе, он вдруг опять снялся с места и опять побежал.

За ним опять устремились.

— Эх, ничего я не видал, эх, никого не знаю! Да никого не знаю! — подбадривал себя Егор. Маханул через какую-то высокую изгородь, побежал по кустам — похоже, попал в какой-то сад. Близко взлаяла собака. Егор кинулся вбок... Опять изгородь, он перепрыгнул и очутился на кладбище.

— Привет! — сказал Егор. И пошел тихо.

А шум погони устремился дальше — в сторону.

— Ну надо же — сбежал! — изумился Егор. — Всегда бы так, елки зеленые! А то ведь, когда хочешь подорвать, попадаешься, как ребенок.

И опять охватила Егора радость воли, радость жизни. Странное это чувство — редкое, сильное, навверное, глупое.

— Ох, да ничего ж я не видал, да никого не знаю, — еще разок спел Егор. И включил свой славный ящичек на малую громкость. И пошел читать надписи на надгробиях. Кладбище огибала улица, и свет фар надолго освещал кресты, пока машина огибала угол. И тени от крестов, длинные, уродливые, плыли по земле, по холмикам, по оградкам... Жутковатая, в общем-то, картина. А тут еще музыка Егорова — вовсе как-то нелепо. Егор выключил музыку.

— «Спи спокойно до светлого утра», — успевал прочитывать Егор.

— «Купец первой гильдии Неверов...» А ты-то как здесь?! — удивился Егор. — Тыща восемьсот девяносто... А-а, ты уже давно. Ну, ну, купец первой гильдии... «Едут с товарами в путь из Касимова...» — запел было негромко Егор, но спохватился.

— «Дорогому, незабвенному мужу — от неутешной вдовы», — прочитал он опять. Присел на скамеечку, посидел некоторое время... Встал.

— Ну, ладно, ребята, вы лежите, а я пойду дальше. Ничего не сделаешь... Пойду себе, как честный фраер: где-то же надо, в конце концов, приткнуть голову. Надо же? Надо. —

И все же еще он спел разок. — Да ничего ж я не видал, да никого ж не зна-аю.

И стал он искать, куда бы приткнуться.

У одной двери деревянного домика из сеней ему сурово сказали:

— Иди отсюда! А то я те выйду, покажу горе... Горе покажу и страдание.

Егор помолчал немного.

— Ну, выйди.

— Выйду!

— Выйдешь... Ты мне скажи: Нинка здесь или нет? — по доброму спросил Егор мужика за дверью. — Только правду! А то ведь я узнаю... И строго накажу, если обманешь.

Мужик тоже помолчал. И тоже сменил тон, сказал дерзко, но хоть не так зло:

— Никакой здесь Нинки нет, тебе говорят! Неужели нельзя сообразить? Шляются тут по ночам-то.

— Поджечь, что ли, вас? — вслух подумал Егор. И брякнул спичками в кармане. — А?

За дверью долго молчали.

— Попробуй, — сказал наконец голос. Но уже вовсе не грозно. — Попробуй подожги. Нет Нинки, я те серьезно говорю. Уехала она.

— Куда?

— На север куда-то.

— А чего ты сразу лаяться кинулся? Неужели трудно было сразу объяснить?..

— А потому что меня зло берет на вас! Из-за таких вот и уехала... С такими же вот.

— Ну, считай, что она в надежных руках — не пропадет. Будь здоров!

...В телефонной будке Егор тоже рассердился.

— Почему нельзя-то?! Почему? — орал он в трубку.

Ему что-то долго объясняли.

— Заразы вы все, — с дрожью в голосе сказал Егор. — Я из вас букет сделаю, суки: головками вниз посажу в клумбу...

Содержание

Калина красная	7
Я пришел дать вам волю	85
<i>Часть 1. Вольные казаки</i>	85
<i>Часть 2. Мстите, братья!</i>	264
<i>Часть 3. Казань</i>	386
Любавины	473
Книга первая	473
Книга вторая	779

Літературно-художнє видання

ШУКШИН Василій

Калина червона. Я прийшов дати вам волю. Любавіні
Збірка

(російською мовою)

Керівник проекту *М. Г. Шакура*
Відповідальний за випуск *О. В. Стратілат*
Художній редактор *А. В. Ачкасова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректори *О. М. Пікалова, К. І. Гайдей, М. М. Черкашина*

Підписано до друку 27.06.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 54,6. Наклад 4000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000. 61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61012, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ШУКШИН Василий

Калина красная. Я пришел дать вам волю. Любавины
Сборник

Руководитель проекта *М. Г. Шакура*
Ответственный за выпуск *Е. В. Стратилат*
Художественный редактор *А. В. Ачкасова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректуры *О. М. Пикалова, Е. И. Гайдей, М. Н. Черкашина*

Подписано в печать 27.06.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 54,6. Тираж 4000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61012, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду
Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@bookclub.ua

Шукшин В.

Ш95 Калина красная. Я пришел дать вам волю. Любавины : Сборник / Василий Шукшин. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 1040 с.

ISBN 978-617-12-3407-9

УДК 821.161.2
ББК 84(4Рос)